

Нарративные стратегии в книге Софьи Федорченко «Народ на войне» (1917)

Третьяк З.И.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой», Новополоцк

Статья посвящена рассмотрению художественной концепции воплощения Первой мировой войны в документально-художественной книге С. Федорченко «Народ на войне».

Цель исследования – выявить специфические нарративные стратегии, предложенные С. Федорченко для художественного осмысления Первой мировой войны как многогранного социального феномена.

Материал и методы. Материалом исследования послужила документально-художественная книга «Народ на войне» С. Федорченко. В процессе работы были использованы историко-контекстуальный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. В произведении реализуется идея полифоничности: о многообразии событий и переживаний, связанных с перипетиями 1914–1918 гг. рассказывает целый ряд заведомо безымянных персонажей, оживших в памяти повествователя, желающего остаться бесстрастным наблюдателем, выявляющим минимальное присутствие в тексте. Художественное единство достигается за счёт последовательного использования приёмов монтажа и очуждения.

Заключение. Эксперимент с формой произведения в значительной степени трансформирует роль читателя, который вовлекается своеобразный диалог с повествователем и персонажами.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская литература, С. Федорченко, документально-художественная проза, полифония, суггестивность, монтаж, очуждение, сказ.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 126–129)

Narrative Strategies in Sofia Fedorchenko's Book "People at War" (1917)

Tretyak Z.I.

Education Establishment "Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk", Novopolotsk

The article is concerned with the artistic concept of the First World War embodiment in the documentary-fiction book by S. Fedorchenko "People at War".

The purpose of the study is to identify specific narrative strategies offered by S. Fedorchenko for the artistic understanding of the First World War as a multifaceted social phenomenon.

Material and methods. The research material was the documentary-fiction book "People at War" by S. Fedorchenko. In the course of the work historical-contextual and comparative-historical methods were used.

Findings and their discussion. In this work the idea of polyphony is implemented: a number of deliberately nameless characters, revived in the memory of the narrator, who wants to remain an impassive observer, revealing a minimal presence in the text, tell about the diversity of events and experiences associated with the vicissitudes of 1914–18. Artistic unity is achieved due to the consistent use of montage and alienation techniques.

Conclusion. The experiment with the form of the work significantly transforms the role of the reader, who is involved in a kind of dialogue with the narrator and characters.

Key words: World War I, Russian literature, S. Fedorchenko, documentary fiction, polyphony, suggestiveness, montage, alienation, tale.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 126–129)

Книга Софьи Федорченко «Народ на войне» – отдельная страница в истории русской литературы о Первой мировой войне. Это произведение представляет собой сложное взаимодополняющее единство документального и художественного начал в повествовании, и разработка такого варианта рассказывания – нарративной стратегии – продолжена автором в книгах «Революция» и «Гражданская война», объединённых в трилогию «Народ и война». Сочетание указанных начал не вызывает сомнения, однако, споры о первичности одного из них ведутся до сих пор. А. Панченко отмечает, в 1928 г. писательница призналась, что «на самом деле никаких записей на фронте она не вела и написала первую часть своей книги в Киеве и Москве – по памяти» [1, с. 8]. Между тем до этого признания публикации Федорченко воспринимались большинством читателей как документальные, чуть ли не стенографические записи аутентичных солдатских бесед». Подобная откровенность автора вызвала шквал критики и негативно сказалась на дальнейшей судьбе произведения (например, см. статью Д. Бедного «Мистификаторы и фальсификаторы – не литераторы», опубликованную в газете «Известия», № 43, 1928).

Тем не менее произведение С. Федорченко оригинально вписывается в ряд документально-художественных книг о Первой мировой войне, увидевших свет в первой половине XX в.: «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, «Огонь. Дневник взвода» А. Барбюса, «Запретная зона» М. Борден¹, «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Лявона Задумы)» М. Горецкого, трилогия «США» Дж. Дос Пассоса, «Фронтовая сводка» Э. Кёппена, «Война» Л. Ренна, «Из писем прапорщика артиллериста» Ф. Степуна, «В стальных грозах. Из дневника командира штурмовой группы», «Лейтенант Штурм» Э. Юнгера и др. Стоит отметить, что соподчинение и первичность документального либо художественного начал – открытый вопрос, решаемый отдельно в каждом из указанных случаев в связи со спецификой конкретных авторских целей и устремлений.

Работа С. Федорченко, согласно наблюдениям Ж. Димеши, относится к документальной прозе – «пограничному жанру <...> это и не совсем художественная литература, и не достоверный исторический источник, он не соответствует полностью правилам ни социологического, ни этнографического сбора данных, но в то же время тесно связан со всеми

перечисленными областями и, если произведение хорошо написано, то оно может заинтересовать и потрясти читателя» [3, с. 171]. Концептуальное стремление С. Федорченко к сохранению атмосферы достоверности очевидно, если сопоставить фрагменты из книги «Народ на войне» с наблюдениями военно-исторических антропологов: А. Астахова («Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну»), О. Поршневым («Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.)»), В. Тяжельниковой («“Военный синдром” в поведении коммунистов 1920-х гг.»).

Цель исследования – выявить специфические нарративные стратегии, предложенные С. Федорченко для художественного осмысления Первой мировой войны как многогранного социального феномена.

Материал и методы. Материалом исследования послужила документально-художественная книга «Народ на войне» С. Федорченко. В процессе работы были использованы историко-контекстуальный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Особое внимание вызывает структура книги «Народ на войне». Если при первой публикации С. Федорченко «давала свои <...> записи в достаточно случайном порядке, не считая обязательным “систематизировать” и раскладывать по рубрикам свой материал» [4, с. 134], то уже к третьему изданию появляется определённая последовательность «повествования»: весь калейдоскоп из небольших рассказов безымянных «нижних чинов», песен, частушек, пересказанных сюжетов, почерпнутых из солдатского фольклора, делится на восемь разделов («Как шли на войну, что думали о причинах войны и об учении», «Что на войне приключилось», «Каково начальство было», «Какие были товарищи», «Как переносили болезни и раны», «Как о “врагах” говорили», «Что о доме вспоминали», «Что о войне думали»). Кроме того, отдельные материалы о Первой мировой войне встречаются и в книгах С. Федорченко «Революция» («О войне, о старом и о земле», «Кончай войну») и «Гражданская война» («О самой войне», «Немцы»). Произведение писательницы, в котором отсутствует единая сюжетная линия, формально строится как серия из разрозненных фрагментов, которые «предполагают установку на композиционную компактность высказывания» [5, с. 285]. В таком случае активизируется креативность читателя (реципиента информации), занятого поисками «ключей» к интерпретации экспериментального художественного единства, рождающегося в процессе знакомства с книгой С. Федорченко. Произведение начинает восприниматься как особое коммуникативное пространство, где возник полилог между автором, персонажами, тщательно завуалированным повествователем и собственно читателем.

Отметим, что авторский замысел напрямую отражён уже в структуре текста: все записи подчёркнуто

¹Опыт американской писательницы М. Борден схож с пережитым С. Федорченко. М. Борден – медицинская сестра – в предисловии к своей книге «Запретная зона» отмечала: «Наброски и стихотворения были написаны в период между 1914 и 1918 гг. во время четырёхлетней работы во французских военных госпиталях. Пять рассказов я недавно написала по памяти; в них подробно изложены реальные эпизоды, которые я не могу забыть» (*The sketches and poems were written between 1914–1918, during four years of hospital work with the French Army. The five stories I have written recently from memory; the recount true episodes I cannot forget*) [2, p. i].

безымянны и не датированы, что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении создать обобщённый образ русского солдата на войне, а с другой – говорит об осмыслении малозаметной роли рядового человека на тотальной технологизированной войне. Важно отметить, что предлагаемый С. Федорченко «коллективный герой» сознаёт свою нецелостность и «размышляет о проблемах самоидентичности и приходит к убеждению, что для него стал невозможен выстроенный, завершённый, внутренне органичный образ самого себя» [6, с. 568] и мира. Так или иначе, работая с подобным типом героя, автор книги обращается к мотиву «потерянности», смысл которого в значительной степени отличается от заложенного в него западноевропейскими литераторами (Р. Олдингтон, Э.М. Ремарк) и их коллегами из США (Дж. Дос Пассос, Э. Хемингуэй). «Коллективный герой» С. Федорченко, погружённый в динамику исторического процесса, во время Первой мировой не успевает до конца проникнуться чувством «потерянности» (то есть пессимистичным взглядом на жизнь в мире, пережившим насилие военного времени, нежеланием принимать участие в общественной жизни, ощущением тотального и непреодолимого аксиологического кризиса). Этому герою Первой мировой еще предстоит пережить революцию 1917 г. и Гражданскую войну – события, которые в конце концов принудили его занять активную социальную позицию и выстроить отношения с радикально трансформированной действительностью.

Размещение фрагментов внутри разделов книги С. Федорченко «Народ на войне» явно подчинено логике свободных ассоциаций некоего повествователя,двигающегося по волнам собственной памяти, которая погружает его в некогда услышанный поток вербализованных впечатлений участников Первой мировой войны. Этот повествователь делегирует часть своих функций читателю, постигающему специфику функционирования коммуникативного пространства, направленного на эксперимент с собственными формой и содержанием. Параллельно читатель пытается реконструировать тщательно завуалированный образ повествователя, его мировоззренческие установки, а также постигнуть некие сложные, трансцендентные смыслы, обусловленные самим характером боевых действий. При всей лапидарности отрывков в большинстве случаев наблюдается стремление к их смысловой завершённости: «Устал я воевать. Сперва по дому тосковал. Потом привык, новому радовался... Страх пережил – к бою сердце горело. А теперь перегорело, ничего нету... Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни смерти не боюсь, ни бою не радуюсь... Устал...

Я глупый такой был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал... На случай, что во сне представлюсь. А теперь ни Бога, ни чёрта не боюсь... Как всадил с рукою штык в брюхо – словно сняло с меня что-то» [7, с. 75].

Описанный выше подход к организации материала соотносится с экспериментами на уровне формы и содержания в других национальных литературах. Например, американский писатель У. Марч в романе «Рота К» создаёт прерывистое, дискретное повествование, где истории 113 персонажей-пехотинцев приобретают цельность также благодаря «коллективному герою». Этот литературный герой-субъект, созданный Уильямом Марчем, обобщает мелкие эпизоды, иллюстрирующие пребывание американского экспедиционного корпуса в Европе, что позволяет комплексно подойти к раскрытию темы «человек на войне». Вместе с тем в произведениях С. Федорченко и У. Марча имеется и ряд существенных различий. На уровне формы повествование в романе «Рота К» инициировано вымышленной фигурой: Джозефом Делани, который решил свести воедино разнообразный опыт товарищей по службе. Разъяснив свою позицию, он передаёт слово сослуживцам, т.е. речевая манера каждого из них сохраняется. В случае с книгой С. Федорченко повествователь принципиально скрыт за рассказами участников и очевидцев войны, а каждый фрагмент представлен в сказовой манере, нюансы которой распознаёт ухо повествователя, «объективного, невидимого, подчёркнуто бесстрастного наблюдателя, не желающего вступать в <...> духовный или эмоциональный контакт с тщательно им воссоздаваемой действительностью» [8, с. 510].

Речь персонажей в книге «Народ на войне» имеет ярко выраженную неписьменную природу: воспроизводятся микромонологи, подражающие фольклорным источникам, говору крестьян, рабочих, ремесленников либо торговцев, в отдельных случаях – архаичным формам письменной речи, которые отражали притязания говорящего на «культурность». В целом замысел автора можно соотнести с орнаментальным сказом, «отражающим не облик единственного нарратора, а целую гамму голосов и масок и ни к какой личной повествовательной инстанции не отсылающий» [9, с. 234]. Авторский замысел Софьи Федорченко иллюстрируют следующие слова трёх персонажей книги: «Нету мне веры в счастье теперь. Посудить – так и грех об счастье-то думать, в чёрный год такой <...>

От той дисциплины больше всего устал я. Хоть бы порядок какой, а то ничего не понять. Одни слова пустые, да жилам тяготы. Чести этой одной столько отдашь, самому то ничего от ней не останется. Разве ж я тут человек?.. Весь чужой...

<...> Я теперь очень даже просто кровь человеку пушу. Какое такое мне теперь, эдакому-то, дома дело подходящее будет – не придумаю» [7, с. 84]. Предложенный в книге сказ не столько подчёркивает, что «говорящие» принадлежат к крестьянской либо городской среде, мало знакомой с нормами современного им литературного языка, сколько подводит читателя к мысли, что он имеет дело с многоликим «коллективным героем», выступающим в различных ролях и моделирующим новую реальность, где главным

объектом осмысления был «больной» социум, который безуспешно пытался найти выход из состояния перманентной вооружённой борьбы.

Орнаментальный сказ позволил С. Федорченко свести воедино диаметрально противоположные представления о войне и врагах: «По совести сказать, не вижу я врага ни в каком человеке. Ну что мне немец, коли он меня ничем не обидел?» [7, с. 64]; «Я ненавижу врага до того, что по ночам снится» [7, с. 67]. В контексте произведения они выглядят абсолютно естественно, т.к. «коллективный герой» не претендует на единомыслие, а каждый раз предлагает новый взгляд на предельно многогранный феномен мировой войны, далеко не исчерпывая заданную тематику.

Книга «Народ на войне» воспринимается как особый самодостаточный художественный феномен, целиком выстроенный благодаря приёмам монтажа и очуждения. Автор, с одной стороны, тяготеет к фрагментации и деформации традиционных приёмов повествования: каждый эпизод иллюстрирует частное, персонально окрашенное, стихийно рождённое в потоке экстремальных событий, а с другой – данные эпизоды сводятся в единую систему, чтобы хоть как-то упорядочить воспоминания об алогичном и невообразимо многогранном бытии во время войны. Кроме того, обращение к фрагментации может свидетельствовать о желании С. Федорченко разрушить сложившийся «канон» военной литературы, основанный на достижениях русской реалистической литературы XIX в. Среди концептуально важных признаков очуждения, реализованных в книге С. Федорченко, отметим «постоянную смену перспективы; показ происходящего <...> глазами персонажа, без авторского вмешательства и комментирования» [10, с. 468].

Художественный эксперимент, представленный в книге «Народ на войне», стал одним из первых в ряду типологически подобных. Говорить о генетических сходствах работы С. Федорченко с произведениями А. Адамовича и Д. Гранина («Блокадная книга») или А. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») не приходится. Тем не менее в русской документально-художественной литературе XX в. документальный факт, аутентичный индивидуально-окрашенный нарратив о катастрофических событиях прошлого столетия стали востребованными, засвидетельствовав потребность в сохранении народной памяти, предельно точно фиксирующей наиболее значимые общественно-политические и морально-этические проблемы определённой эпохи.

Заключение. Документально-художественная книга С. Федорченко «Народ на войне» отличается особой манерой написания, напрямую связанной

с кризисным характером описываемых событий 1914–1918 гг. Многогранность самого феномена Первой мировой войны предопределила фрагментарную форму изложения материала, представленного в виде сказа (сохраняется речевая манера каждого персонажа). Смысловая целостность достигается благодаря использованию приёма монтажа, который сводит в единое коммуникативное пространство повествователя, персонажей и читателя. Последний занят не только интерпретацией воспоминаний военных лет и поисками смысловых доминант (ощущение аксиологического кризиса, мортанизм как интерес к смерти, обострение проблем при взаимодействии «своего» и «чужого»), но и реконструкцией образа повествователя, а также осмыслением особых нарративных стратегий (полифонизм, наличие «коллективного героя», реализация в тексте приёма очуждения), избранных С. Федорченко.

Литература

1. Панченко, А. Софья Федорченко и «Русский народ» / А. Панченко // Федорченко С. Народ на войне. – СПб: Изд. группа «Лениздат», 2014. – С. 5–17.
2. Borden, M. The Forbidden Zone / M. Borden. – London: William Heinemann, Ltd, 1929. – 220 p.
3. Димеши, Ж. Начало документальной прозы в России: творчество С.З. Федорченко / Ж. Димеши // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 2(175). – С. 169–177.
4. Куликов, Б. Трифонов, Н. Живые голоса истории: С.З. Федорченко и её книга «Народ на войне» (история создания) / Б. Куликов, Н. Трифонов // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. – 1999. – № 1. – С. 131–149.
5. Фаустов, А. Фрагмент / А. Фаустов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 285–286.
6. Зверев, А. Модернизм / А. Зверев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 566–571.
7. Федорченко, С. Народ на войне / С. Федорченко // Народ на войне. – СПб.: Изд. группа «Лениздат», 2014. – С. 21–88.
8. Зверев, А. Монтаж / А. Зверев // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 507–522.
9. Кравченко, Э. Сказ / Э. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Тамарченко. – М.: Из-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 233–235.
10. Никифоров, В. Очуждение / В. Никифоров // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 462–476.

Поступила в редакцию 08.04.2025